

МАРИЯ НЕНАРОКОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

<http://orcid.org/0000-0002-5798-9468>**ЗИМНЕЕ УТРО АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА: ТРИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДА***THE WINTER MORNING* BY A. S. PUSHKIN: THREE ENGLISH TRANSLATIONS

The translations made by N. Panin (1888), by his contemporary C. E. Turner (1899), and the most recent translation by R. Clarke (2016) were taken for the analysis. The translations of this poem are interesting for analysis because the poem is based on antitheses. The article examines the pairs “frost”–“sun”, “stormy evening”–“sunny morning”, “darkness”–“radiance”, the key concepts of Russian culture “melancholy” and “fun”, the Russian realia “oven.” The texts of the translations were analyzed with the help of the close reading technique. The research showed that a translator can also act as a researcher. R. Clarke introduced into his translation a reality that was lacking in the original text. Thus, the *mily bereg* mentioned in the poem becomes a certain place near the Bernovo estate, where Pushkin came as a guest.

Keywords: Pushkin, translation, antithesis, key culture concept, reality

Стихотворение *Зимнее утро*¹, одно из самых известных произведений Пушкина, было написано в селе Павловском Старицкого уезда Тверской губернии. Село было родовым имением друзей поэта, Вульфов², у которых он остановился на несколько дней, возвращаясь октябре–ноябре 1829 г. с Кавказа в Петербург. Стихотворение датировано: в этот воскресный день Пушкин написал четыре строфы и под третьей поставил дату «3 ноября»³. Уже 12 ноября этого же года стихотворение *Зимнее утро* поступило в «Санктпетербургский Цензурный

¹ А.С. Пушкин, *Зимнее утро* // Его же, *Полное собрание сочинений: в 6 томах*, т. 1: *Стихотворения. 1813–1830*, Ю. Г. Оксман, М. А. Цявловский (ред.). Academia, Москва–Ленинград 1936, с.548.

² М. Н. Виротайнен и др. (ред.), *Пушкинская энциклопедия: произведения*. Вып. 2: Е-К. Нестор-История, Санкт-Петербург 2012. с. 191.

³ Н. А. Тархова (сост.), *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*. В 4 томах, т. 3. 1829–1832. Slovo, Москва 1999, с. 1010.

Комитет для альманаха «Царское село» и одобрено цензором Сербиновичем»⁴.

Стихотворение неоднократно переводилось на английский язык. Самый ранний перевод был сделан Иваном Паниным, русским эмигрантом в США, высланным из России в 1878 г. за революционную деятельность. Книга Панина *Poems by A. Pushkin* вышла в 1888 г. и положила начало традиции перевода этого стихотворения. В 1899 г. появился еще один перевод. На этот раз его сделал английский переводчик, Чарльз Эдвард Тернер, в России, в Петербурге. На титульном листе книги *Translations from Pushkin* стоят названия двух городов — Санкт-Петербурга и Лондона. И в XX, и в XXI вв. переводчики обращались к *Зимнему утру*. Последний на сегодняшний день перевод принадлежит перу Роджера Кларка (опубликован в 2016 г.), филолога-русиста, исследователя и переводчика.

Интерес к этому пушкинскому стихотворению вполне оправдан: пять строф, построенных на антитезе, представляют собой текст, который не позволяет мысли читателя застояться. Воображению читателя все время предстают картины, диаметрально противоположные по настроению: мороз и солнце, сон и бодрствование, буря и ясная погода, тепло у печки и приятный холодок в санях, покой и движение. Всеволод Рождественский, сам поэт, в очерке о *Зимнем утре* указывает, что «вторая строфа — это «вчера», третья — это «сегодня». «В них было рассказано все то, что видно из окна деревенского дома. А четвертая строфа возвращает нас в комнату, где тепло и уютно...»⁵.

Первое противопоставление не всегда ощущается как такое: «Мороз и солнце...», поскольку морозный, но солнечный зимний день для средней полосы России не редкость. Переводчики сохраняют это словосочетание, причем часто прежним остается и порядок слов, например, *Frost and sun*⁶, *The frost and sun*⁷. Пушкинское «мороз» — «стужа, при которой вода мерзнет,

⁴ Е. В. Гарбер (сост.), *Материалы к Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина, 1826–1837. Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских*, в 3 т., т. 3, ч. 1: Рабочая картотека, 1826–1837. Наследие, Москва 1999, с. 398.

⁵ Вс. А. Рождественский, *Читая Пушкина*, Детгиз, Ленинград 1966, с. 166.

⁶ A. Pushkin, *The Winter Morning // Poems by A. Pushkin*, translated from the Russian, with introduction and notes by Ivan Panin. Cupples and Hurd, Boston 1888. с. 164.

⁷ A. Pushkin, *The Winter Morning // Translations from Pushkin in memory of the hundredth anniversary of the poet's birthday*. Charles Edward Turner (tr.).

а градусник опускается ниже нуля» — всегда передается английским словом *frost* — «состояние погоды, когда температура опускается ниже нуля, так что тонкий слой льда образуется на земле и других поверхностях, особенно в ночное время».

Русское слово «солнце», кроме прочих, имеет значение «ясная, солнечная погода», когда наличие тепла не подразумевается. Здесь можно использовать два варианта — либо *sun*, имеющее два значения: «звезда, сияющая днем и дающая свет и тепло» и собственно «свет и тепло Солнца», либо *sunshine* — «свет и тепло Солнца». Вторым значением *sunshine* является «счастье», хотя в современном английском языке оно относится к разговорной лексике. Выбирая *sunshine*, переводчики сохраняют оттенок значения, позволяющий передать удовольствие от ясной погоды, который заложен в русском слове «солнце», но, как кажется, теряется при использовании английского *sun*. Поскольку у английского *sun* всегда присутствует сема «тепло», возникает антитеза, которой нет в оригинале.

Продолжение строки «...день чудесный»⁸ требует уточнения: что такое «чудесный». В русском языке это прилагательное в указанном контексте имеет значения «очень хороший», «замечательный», «прекрасный»: словосочетание «чудесный день» как пример входит в словарную статью. Переводчики выбирают прилагательные, показывающие разные аспекты «чудесности» дня. У Панина *the day is wondrous!*⁹, то есть «странный, красивый и запоминающийся». «Чудесность» дня передается как нечто «необыкновенное или удивительное, особенно если его трудно понять», что, конечно, не совсем соответствует понятию «чудесный день». Тернер выбирает *glorious: a glorious day!*¹⁰, и это прилагательное гораздо лучше передает смысл русского слова «чудесный»; *glorious* — «очень красивый и запоминающийся».

Красавицу, к которой обращается Пушкин, он называет «звездю севера»¹¹. У русского существительного «звезда» есть значение, которое в наши дни считается устаревшим: «женщина как

K. L. Ricker, St. Petersburg; Sampson Low, Marston and Co, Limited, London 1899. с. 17.

⁸ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

⁹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

¹⁰ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с. 17.

¹¹ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

воплощение предопределенного судьбой счастья». Возможно, современное значение «чем-то прославившийся человек» во времена Пушкина было контекстным: «звезда севера» может пониматься как «прославленная красавица севера». У Панина встречаем *a north-star* — «северная звезда»¹², тогда как Тернер выбирает *the Northern Star*¹³ — «Северная Звезда», где оба слова пишутся с большой буквы, чтобы подчеркнуть переносное значение словосочетания, практически играющее роль имени. Как кажется, удачен перевод Роджера Кларка. Красавица, земная женщина славится своей красотой в северных пределах земли, небо же является неким отражением земли, и потому метафора «звезда северных небес» является удачным описанием женщины: «Навстречу северной Авроры, / Звездой севера явись!»¹⁴ — «to greet our northerly Aurora, / [...] / yourself a star of northern skies»¹⁵.

Вторая и третья строфы стихотворения противопоставлены по принципу «ненастье» — «ясная погода». Важной деталью картины ненастного вечера является «мгла»¹⁶, которая в русском языке означает «воздух, непрозрачный по причине каких-то примесей (пыль, дым, туман) или сгущающихся сумерек». Панин воспринял слово «мгла» как «тьма»: «And darkness floated in the clouded sky»¹⁷ — «И тьма плавала в воздухе в небе, покрытом облаками». Тернер, видимо, понимал «мглу» как «туман», причем дневной или утренний, поэтому в его переводе появляется не соответствующий времени суток эпитет: «The sky was hidden in white mist»¹⁸ — «Небо было скрыто белым туманом».

На темном, затянутом «тучами мрачными»¹⁹ небе едва видна луна. Панин и Кларк изображают луну как небесное тело, хотя и почти закрытое облаками: «Like a yellow, clouded spot / Thro' the clouds the moon was gleaming»²⁰ — «Как желтое, туманное пятно, / Сквозь облака слабо светила луна»; «The

¹² A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

¹³ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с.17.

¹⁴ А.С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

¹⁵ A. Pushkin. *The Winter Morning // A. Pushkin, Love Poems*, Roger Clarke (transl.), Alma Classics, Richmond (UK) 2016, с. 121.

¹⁶ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

¹⁷ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

¹⁸ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с. 17.

¹⁹ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

²⁰ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

moon, a yellow smudge, was glowing / behind the clouds, but hardly showing»²¹ — «Луна, желтое пятно с размазанными краями, светила / За облаками, но была едва видна». В переводе Тернера употреблен глагол *peer* — «выглядывать с трудом или из любопытства»: «The yellow moon peered feebly through / The thick and gloomy flanks of cloud»²² — «Желтая луна слабо выглядывала сквозь / Плотные и мрачные бока облаков». Глагол *peer* обычно появляется в контекстах, описывающих поведение людей, поэтому луна у Тернера воспринимается как человек, тихонько подглядывающий из укрытия за тем, что происходит внизу на земле.

То же можно сказать и о «вьюге»²³. Вьюга изображается как явление природы, причем в переводах находим разные степени силы вьюги, например, у Тернера *snow-storm* — «сильный снегопад»: «Last night the snow-storm whirled and roared»²⁴ — «Прошлым вечером снежная буря кружила и ревела»; Кларк выбирает существительное *tempest* — «яростная буря»: «Recall last night the tempest driving»²⁵ — «Воскреси в памяти прошлым вечером налетающую яростную бурю». Однако в оригинале находим глагол «злилась», и Панин подобрал глагол *scold* — «браниться, ругаться», который встречается в контекстах, описывающих поведение людей: «Last night, remember, the storm scolded»²⁶ — «Вчера вечером, вспомни, буря бранилась».

Описание тьмы, метели и слабого света луны контрастирует с картиной солнечного зимнего утра, когда краски яркие и снег искрится под лучами солнца. Палитра синего цвета включает *blue* — «голубой/синий» («the heavens blue»²⁷ — «голубые небеса»); *dark-blue* — «темно-голубой» («dark-blue sky of deepest dye»²⁸ — «темно-голубое небо самого глубокого цвета»). Добавление прилагательного *clear* — «безоблачный» — помогает представить чистое голубое небо: *clear blue sky*²⁹ — «безоблачное голубое небо».

²¹ A. Pushkin. *The Winter Morning*, transl. Roger Clarke, c. 121.

²² A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 17.

²³ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

²⁴ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 17.

²⁵ A. Pushkin. *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

²⁶ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

²⁷ Там же.

²⁸ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 17.

²⁹ A. Pushkin. *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

Пейзаж, описанный в третьей строфе, полон света. Свет отражает снег: при этом используются глаголы: *sparkle* — «искриться» («In the sun the snow is sparkling»³⁰ — «На солнце снег искрится»); *glitter* — «сверкать, как бриллиант» («The snow lies glittering in the sun»³¹ — «Снег лежит, сверкая, как бриллианты, на солнце»); *gleam* — «сияя отраженным светом» («gleam with sunlight, snow now lies»³² — «сияя отраженным светом, снег теперь лежит»).

Те же глаголы, обозначающие излучение света, встречаем в описании речки: «и речка подо льдом блестит», например: «And under the ice the rivulet sparkles»³³ — «И подо льдом ручеек искрится»; «bound in ice, the river gleams»³⁴ — «закованная в лед, река мерцает»; «our little river glints with ice»³⁵ — «наша маленькая речка вспыхивает светом от льда».

Как вечером во тьме есть светлое пятно — луна, так и в полном солнца утреннем пейзаже есть темные пятна, хотя и смягченные отсутствием листвы в лесу или инеем на ветвях ели: «Прозрачный лес один чернеет»³⁶. «Прозрачность» леса позволяет читателю предположить, что это лиственный лес, потому что в таком лесу становится светлее осенью, когда листва опадает и ветки остаются голыми, темными. Цель первого переводчика стихотворения, Панина, состояла в том, чтобы дать как можно близкий к оригиналу перевод пушкинского текста, так что иногда его перевод можно назвать подстрочником: «Dark alone is the wood transparent»³⁷ — «Темен один прозрачный лес», где *transparent* означает «пропускающий свет». Кларк расшифровывает контекстуальное значение прилагательного *transparent*, заменяя его на *leafless* — «лишенный листвы»: «nothing's left black but leafless forest»³⁸ — «Лишь лес, лишенный листвы, остался черным», что показывает несовместимость прилагательного *transparent* и существительного *wood* в современном английском языке.

³⁰ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

³¹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 17.

³² A. Pushkin. *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

³³ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

³⁴ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 17.

³⁵ A. Pushkin. *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

³⁶ А.С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

³⁷ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

³⁸ A. Pushkin. *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

В переводе Тернера находим отражение общепринятого представления о русском лесу: «The forest dense alone is black»³⁹ — «Один лишь густой лес черен». Словосочетание *forest dense* — «лес густой» — описывает непроходимую чащу, сказочный дремучий лес. Это выражение становится практически клише, передавая фольклорную формулу, описывающую лесные дебри в переводах русских сказок последней трети XIX в.⁴⁰, которые не мог не знать Тернер. В таком лесу и днем сумрачно, поэтому можно сказать, что пушкинский образ сохранить не удалось.

Одним из ключевых слов русской культуры является слово «тоска». Степень «тоски» может быть разной: от «уныния» — «длительное хроническое плохое настроение» — к «печали» — чувству более сильному — «скорбь, душевная горечь, вызванные внешними обстоятельствами» — и «грусти» — «несильное, неглубокое и кратковременное переживание, наименее неприятное, не нарушает нормальную работоспособность человека, лишь снижает его оживление» — к самой «тоске» — «сильное, интенсивное и продолжительное чувство, характеризуется наибольшей неприятностью переживания». Из всех чувств «печаль» занимает место между «унынием», «грустью» и «тоской» и в зависимости от контекста становится ближе к одному из этих чувств. Панин подобрал в качестве эквивалента *melancholy*: «And melancholy thou wert sitting»⁴¹ — «И ты сидела грустная», однако прилагательное *melancholy* имеет целый веер значений — от «задумчивый, унылый» (первое значение) к «мрачный, подавленный, угнетённый», что выражает гораздо более сильную степень расстройства (второе значение) и «грустный, скорбный» (третье значение). Тернер пошел по другому пути: он не стал искать аналог, а заменил «печальная» описанием: «And thou satst dull and ill at ease»⁴² — «И ты сидела, ничем не интересуясь, чувствуя себя неудобно, смущаясь». Если вспомнить, что «печаль» означает душевную горечь, дискомфорт, вызванные некими внешними причинами, то видно, что Тернеру было важно передать ощущение задумчивости, которая связана с беспокойством,

³⁹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с. 18.

⁴⁰ М. Р. Ненарокова, *Русская народная сказка в англоязычном контексте — трудности перевода* // Ева Кудрявцева Маленова (ред.), *Сказка — вопросы перевода и восприятия*, Masarykova univerzita, Brno 2019, с. 18.

⁴¹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

⁴² A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с. 18.

душевным неуютом, вызванным каким-то событием. Однако в этом случае переводчик додумывает мысль автора, поскольку мы не знаем, отчего была печальна героиня стихотворения.

Комплексу негативных эмоций с общим значением «тоска» в русской картине мира противопоставляется «веселье», которое можно описать как радостное расположение духа, беззаботное настроение, чувство душевного удовлетворения.

В пушкинском *Зимнем утре* «веселье» появляется в контексте «домашнего очага»⁴³: «Веселым треском / Трещит за-топленная печь»⁴⁴, то есть герой испытывает весь спектр положительных эмоций — радость, беззаботность, умиротворение — находясь дома. Тернер вводит в свой текст слова со значением «огонь»: *fire, flames...*⁴⁵ — «огонь» поднимается языками пламени. Панин, следуя оригиналу стихотворения, сосредоточивается на передаче звука горящих дров: «crackle [...] is crackling»⁴⁶ — «треск [...] трещит».

Как говорилось выше, ощущение веселья связывается со звуками, которые издает огонь в печи. Однако те лексемы с общим значением «веселье», которые используют переводчики, вносят изменения в пушкинский текст, поскольку огонь или печка становятся у них живыми существами, наделенными человеческими эмоциями.

Панин выбрал прилагательное *merry*: «with merry crackle»⁴⁷ — «с веселым треском», однако стоит помнить, что английская лексема *merry* охватывает столь же обширный круг эмоций, что и русские «веселье», «веселый». Английское *merry* означает и высокую степень радостного возбуждения, и ощущение счастья, и жизнерадостность, и внешнее проявление веселья — оживленность, то есть блестящие от радости глаза, улыбка, смех, подвижность. Когда огонь определяется прилагательным *merry*, создается образ подвижных языков пламени, освещающих комнату «янтарным блеском»⁴⁸. Как кажется, *merry* является словом с наиболее общим значением. Тернер использует прилагатель-

⁴³ П. В. Анненков, *Материалы для биографии А. С. Пушкина*, Современник, Москва 1984, с. 208.

⁴⁴ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

⁴⁵ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, с. 18.

⁴⁶ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, с. 164.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ А. С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

ное *gay*, например, «with crackling gay»⁴⁹, где *gay* значит «находящийся в счастливом возбуждении, оживленный, неудержимый, буйный», то есть акцент ставится на движении языков пламени, причем огонь воспринимается как сильно разгоревшийся. В переводе Кларка встречаем вариант *jolly crackle*⁵⁰, где *jolly* толкуется как «счастливый и жизнерадостный», то есть проявляющий внешние признаки счастья, например, в движении.

Если вернуться к оригиналу стихотворения, то мы обнаруживаем, что, как это обычно бывает с ключевыми словами культуры, ни одно из слов, выбранных переводчиками не может в полной мере передать значения пушкинского прилагательного «веселый»: ближе всего оказывается *merry*, однако в этом случае не передается сема «удовольствие/удовлетворение»; *gay* и *jolly* скорее передают движение.

Интересен перевод четвертой строфы, в которой упоминается несколько реалий: «Вся комната янтарным блеском / Озарена. Веселым треском / Трещит затопленная печь. / Приятно думать у лежанки»⁵¹. Почти все переводчики правильно поняли и передали ощущение от света в комнате: это и цвет пламени в печи, и цвет зари. И пламя, и заря бывают золотисто-желтого цвета (заря — в зависимости от времени: сначала заря красная, потом оранжевая, потом с восходом солнца ее цвет меняется на желтый), то есть в стихотворении солнце уже встало, и даже если утро раннее, вполне можно поехать покататься в санях. Поэтому в переводах разных лет мы находим: «amber glow» — «янтарный отсвет»⁵²; «amber radiance»⁵³ — «янтарное сияние». И только Панин, что странно, перевел пушкинский «янтарный блеск» как *diamond splendor* — «алмазное великолепие»⁵⁴. Можно предположить, что для Панина основным словом в этом словосочетании становится слово «блеск» — «яркий, сияющий свет», это слово определяет выбор камня, с которым Панин сравнивает цвет огня и зари, с желтым алмазом.

В стихотворение введена чисто русская реалия, которая чрезвычайно трудна для перевода на английский язык. Это русская печь,

⁴⁹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 18.

⁵⁰ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

⁵¹ А.С. Пушкин, *Зимнее утро...*, с. 548.

⁵² A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 18.

⁵³ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

⁵⁴ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

особый вид печи с лежанкой. Все переводчики постарались сохранить эту реалию в своих текстах. Панин использует слово *oven* — «часть печи в форме коробки с дверцей спереди, где печется или разогревается пища». Печь и *oven* имеют общую черту — дверцу или большое отверстие спереди, которое прикрывается крышкой. Но если в *oven* помещается еда, то в отверстие русской печи сначала укладываются и поджигаются дрова, затем, когда они прогорят, в переднюю часть печи ставятся горшки и сковородки с едой. Русская печь гораздо глубже, чем *oven*. Пример использования *oven* видим у Панина: «...with merry crackle / The wood is crackling in the oven»⁵⁵ — «с веселым треском / трещат дрова в печи».

Как говорилось выше, *oven*, как и русская печь, имела дверку. Тернер был единственным переводчиком, как кажется, писавшем о камине, но не назвавшем его: «The blazing fire / Up chimney flames with crackling gay...»⁵⁶. Камин с его открытым огнем является реалией скорее городской, чем деревенской.

Особенно трудно переводчикам было найти аналог для слова «лежанка», так как у европейских «печек», особенно известных людям, принадлежащим к англоязычной культуре, никаких «лежанок» не было. Поэтому строку «Приятно думать у лежанки» находим в таких вариантах: «To meditation invites the sofa»⁵⁷ — «К размышлению зовет диван»; «'Tis good to muse in easy-chair»⁵⁸ — «Хорошо погружаться в размышления в большом удобном кресле».

Лишь Роджер Кларк постарался найти аналог лежанке русской печи: «you lie stretched out along its ledge»⁵⁹ — «ты лежишь, вытянувшись на ее выступе», где *ledge* может переводиться, как «выступ в стене», «полка», «ступень».

Самым интересным местом последней строфы стала строка «и берег, милый для меня». В переводах можно найти самые разные «берега»: «And the banks so dear to me»⁶⁰ — «и речные берега, столь милые для меня», где *bank* означает «речной берег»; «the shore so dear to me»⁶¹ — «морской берег, столь милый

⁵⁵ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

⁵⁶ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 18.

⁵⁷ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

⁵⁸ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 18.

⁵⁹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

⁶⁰ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Ivan Panin, c. 164.

⁶¹ A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Charles Edward Turner, c. 18.

для меня», где *shore* — «берег большого массива воды, моря или большого озера», что не соответствует действительности.

Перевод Роджера Кларка содержит указание на место написания стихотворения: «past the millrun — / haunts of which I've so long been fond»⁶² — «мимо мельничного канала». «Мельничный канал», или плотина, по свидетельству работников берновского музея, находилась неподалеку от усадьбы Берново. Один из местных крестьян рассказал поэту, что около мельничной плотины утопилась крестьянская девушка, соблазненная баринем⁶³. Позже эта история легла в основу драмы *Русалка*.

Выбранные для анализа переводы пушкинского *Зимнего утра* представляют собой начало традиции и ее последнее значимое звено. Несмотря на значительный срок — 128 лет, разделяющий эти переводы, можно отметить, что проблемы, стоящие перед их авторами, не изменились, поскольку в основе этих проблем лежат несходство русской и англоязычной культур и разница строя английского и русского языков. Тем не менее, переводчик XXI в. чувствует необходимость более глубоко познакомиться с обстоятельствами создания стихотворения, увидеть жизнь поэта, отраженную в написанных им строках, поэтому наш современник подходит к тексту *Зимнего утра* не только как переводчик, но и как исследователь.

REFERENCES

- Pushkin, Alexander. *Love Poems*. Roger Clarke (tr.). Richmond (UK): Alma Classics, 2016.
- Pushkin, Alexander. "The Winter-Road." *Poems by A. Pushkin*. Translated from the Russian, with introduction and notes by Ivan Panin. Boston: Cupples and Hurd, 1888.
- Pushkin, Alexander. "The Winter Morning." *Translations from Pushkin in memory of the hundredth anniversary of the poet's birthday*. Charles Edward Turner (tr.). K. L. Ricker. St.Petersburg–London: Sampson Low, Marston and Co, Limited, 1899.
- Annenkov, Pavel. *Materialy dlya biografii A.S. Pushkina*. Moskva: Sovremennik 1984 [Анненков, Павел. *Материалы для биографии А. С. Пушкина*. Москва: Современник, 1984].

⁶² A. Pushkin, *The Winter Morning...*, transl. Roger Clarke, c. 121.

⁶³ В. Н. Соколова, Д. А. Цветков, А. С. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде // Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сборник первый. В. А. Никольский (отв. ред.). Калинин. гос. ун-т, Калинин 1972, с. 76–77.

- Ginzburg, Lidya. "Chastnoye i obshcheye v liricheskom stikhotvorenii. eadem, *O starom i novom. Stat'i i ocherki*. Leningrad: Sovetskiiy pisatel', 1982 [Гинзбург, Лидия. *Частное и общее в лирическом стихотворении // Ее же. О старом и новом. Статьи и очерки*. Советский писатель, Ленинград 1982].
- Garber, Ye. V. (sost.), *Materialy k Letopisi zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina, 1826–1837. Kartoteki M. A. i T. G. Tsyavlovskikh*. V 3 t. T. 3, ch. 1: Rabochaya kartoteka, 1826–1837. Moskva: Naslediye 1999 [Гарбер Е. В. (сост.), *Материалы к Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина, 1826–1837. Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских*. В 3 т. Т. 3, ч. 1: Рабочая картотека, 1826–1837. Москва: Наследие 1999].
- Nenarokova, Mariya. "Russkaya narodnaya skazka v angloyazychnom kontekste — trudnosti perevoda." Yeva Kudryavtseva Malenova (red.), *Skazka — voprosy perevoda i vospriyatiya*. Brno: Masarykova univerzita, 2019: 8–34 ["Русская народная сказка в англоязычном контексте — трудности перевода." *Сказка — вопросы перевода и восприятия*. Brno: Masarykova univerzita, 2019: 8–34.
- Pushkin, Alexandr. "Zimneye utro." Pushkin, Alexandr. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 6 tomakh*. T. 1: *Stikhotvoreniya. 1813–1830*. Oksman, YU. G. Tsyavlovskiy, M. A. (Ed.). Academia, Moskva-Leningrad 1936 [Пушкин, Александр. "Зимнее утро." Пушкин, Александр. *Полное собрание сочинений: в 6 томах*. Т. 1: *Стихотворения. 1813–1830*. Оксман, Ю. Г. Цявловский М. А. (Ed.). Москва-Ленинград: Academia 1936].
- Virolaynen, M. N. i dr. (red.), *Pushkinskaya entsiklopediya: proizvedeniya*. Выр. 2: Ye-K. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya 2012 [Виролайнен, М. Н. и др. (ред.), *Пушкинская энциклопедия: произведения*. Вып. 2: Е-К. Санкт-Петербург: Нестор-История 2012].
- Sokolova, V. N., Tsvetkov, D. A. "A.S.Pushkin v gorode Staritse i Staritskom uyezde." *Pushkinskiye chteniya na Verkhnevolzh'ye. Sbornik Pervyy*. Nikol'skiy, V. A. (Ed.). Kalinin: Kalinin. gos. un-t 1972 [Соколова, В. Н., Цветков Д. А. "А.С.Пушкин в городе Старице и Старицком уезде." *Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сборник Первый*. Никольский, В. А. (отв. ред.). Калинин: Калинин гос. ун-т, 1972].
- Tarkhova, N. A (sost.). *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina. V chetyrekh tomakh*. T. 3. 1829–1832. Moskva: Slovo 1999 [Тархова, Н. А. (сост.). *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В четырех томах*. Т. 3. 1829–1832. Москва: Slovo 1999].